

ВЕРОНИКА ДАУНГЛИ

4

Абсолютно другой
взгляд на мир

Вероника Даунгли

**Роман Абсолютно
другой взгляд на мир**

«Автор»

2026

Даунгли В.

Роман Абсолютно другой взгляд на мир / В. Даунгли — «Автор»,
2026

«Лондон и Бонн, два мира, два ритма — и два человека, которым нужно не просто договориться, а научиться слышать друг друга. Джереми, привыкший держать дистанцию и полагаться только на расчёт, впервые сталкивается с тем, что безопасность проигрывает чувству....Пока Джереми разбирается с кризисом поставок и пытается найти честные слова для Эвелины — женщины из прошлой главы своей жизни, — Кэтрин получает от отца самое важное: не одобрение по пунктам, а доверие и простую отцовскую мудрость: «Самое сложное — решиться. А дальше жизнь сама подскажет».

© Даунгли В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Вероника Даунгли

Роман Абсолютно другой взгляд на мир

Глава 1

Часть 1. «Как это понимать»

Церемония награждения представителей культуры «Короли изящных искусств» традиционно проводилась в часовне «King's Building» — на территории кампуса на Стрэнде. Но в этом году всё было иначе: событие перенесли в Сомерсет-Хаус — и этот перенос сам по себе ощущался как знак перемен.

А ведь Сомерсет-Хаус — место с удивительной судьбой: когда-то здесь стоял тюдоровский дворец, и в его стенах кипела придворная жизнь. Позже, в XVIII веке, на этом месте выросло неоклассическое здание, которое долго служило центром государственной жизни: тут размещались Королевское общество, Королевская академия художеств, налоговые ведомства и реестр актов гражданского состояния. И лишь в конце XX — начале XXI века Сомерсет-Хаус пережил радикальную трансформацию: его превратили в масштабный культурный центр. Теперь здесь кипит современная арт-жизнь: проходят выставки, перформансы, музыкальные фестивали, работают студии для художников.

Перенос церемонии из традиционной академической часовни в это пространство, где история встречается с авангардом, читался как символ: награда теперь искала дом в более открытом, динамичном и демократичном месте.

В элегантном здании с историческими залами, большими внутренними дворами и видом на реку всё будто дышало противоречиями. Пространство здесь было удивительно гибким: торжественную часть устроили в парадном зале, а фуршет — во дворе, под навесами, среди огней и лёгкой лондонской сырости.

Парадные лестницы и просторные вестибюли сразу задавали ритм и масштаб события. Гости выглядели безупречно: строгие смокинги оттеняли старинные фрески, а платья из струящегося шёлка странно и притягательно соседствовали с современными арт-объектами в классическом зале. Этот контраст рождал то самое ощущение «другого взгляда» — будто привычная реальность на мгновение сдвинулась, открыв иную перспективу.

В залах стояла особая тишина — будто само пространство прислушивалось. Любая короткая фраза в паузе звучала как событие: обретала вес, повисала в воздухе и заставляла всех невольно задержать дыхание.

А за стенами Сомерсет-Хауса город жил своей жизнью. Лондон, как всегда, щедро делился дождём и туманом: капли стекали по стёклам, в лужах дрожали отражения фонарей, и казалось, что сам город наблюдает за церемонией — молчаливый, внимательный, будто отдельный персонаж этой истории. И в этом контрасте между привычной традицией и смелым новым выбором места чувствовалось нечто большее, чем просто смена площадки: будто сама эпоха требовала иного ракурса, иного способа видеть и понимать мир.

Среди гостей, будто акулы в прозрачной воде, плавно скользили высокопоставленные лица — они охотились не за вниманием, а за нужными встречами. Такие возможности выпадали редко: при их безумной занятости пересечься вне жёстких протоколов было почти удачей. То и дело кто-то успевал перемолвиться парой фраз, наметить сделку, а порой — бросить осторожный намёк на неприятное наступление на «свою территорию».

Всё считывалось с полуслова, будто у этих людей был собственный язык — не из громких заявлений, а из интонаций, кивков, едва заметных пауз. Вот женщина чуть наклонила голову — и мужчина напротив мгновенно понял, что предложение неинтересно. А короткий взгляд на

часы у собеседника означал: «У меня пять минут, говори главное». В этой молчаливой азбуке договорённости рождались быстрее и яснее, чем на официальных встречах.

И среди всех этих взглядов, кивков и полунамёков один взгляд казался совсем другим — не расчётливым, а изучающим. Среди гостей особенно выделялась женщина, которую многие поначалу принимали за молодую девушку. Она стояла у камина, будто отрешённая от всей этой блестящей суеты, и пристально смотрела на полотно. Время от времени её взгляд скользил по залу — казалось, она кого-то ищет. Наконец он задержался на троих мужчинах, увлечённых серьёзным разговором.

Она внимательно скользнула взглядом по одному из них — высокому, лет сорока пяти. Сначала изучила его чуть удлинённые волнистые волосы, потом с такой скрупулёзностью всмотрелась в уши, что мужчине стало не по себе. Кто-то из гостей рядом едва заметно приподнял бровь, будто хотел спросить: «Она что, всерьёз?» Затем её взгляд опустился на кисти рук, а после она сделала шаг в сторону и заглянула ему за спину — будто пыталась увидеть что-то, скрытое от остальных.

При этом на долю секунды её глаза метнулись к броши на лацкане соседнего гостя — крошечной серебряной птице с расправленными крыльями, — и в её взгляде мелькнуло что-то похожее на узнавание, прежде чем она снова сосредоточилась на мужчине.

Мужчина не выдержал. Оторвавшись от беседы, он решительно направился к ней, прокладывая себе путь сквозь лёгкую толпу.

— Это вы зачем меня сейчас так рассматривали? — резко спросил он, оказавшись перед ней.

— Вас? Да я вовсе не рассматривала, — спокойно ответила она, глядя ему прямо в глаза. — Я сравнивала вас с портретом Ван Гога над камином.

— А-а-а... Ну, теперь понятно. Сейчас это так называется? — усмехнулся он.

— Знаете, я всё время ищу образы, которые помогают ученикам поверить, что они могут, — подняв бровь, произнесла она. — Вот и присматриваюсь. Хотела бы вас сфотографировать. Можно?

— В каком виде? — нахмурился мужчина, уже начиная подозревать подвох.

— Вы что, фотограф? — не удержался он от вопроса.

— Нет, я пилот. У меня своя компания — обучаю молодых пилотов.

Он на секунду замер, будто мир слегка сдвинулся с оси.

— Простите, что? И при чём тут это?

— Ну как же! Я делаю серию «Люди, которые не боятся высоты» — и вы идеально вписываетесь. Вы — тот самый образ, который нужен для легенды. Понимаете, мне нужно вдохновлять учеников на занятиях. Обучение стоит дорого, и я не имею права разочаровать ни учеников, ни их семьи. Вот и придумываю разные проекты, чтобы ребятам было интереснее.

Она ещё раз внимательно посмотрела на него, словно мысленно уже вставляла его портрет в презентацию, и вздохнула.

— Что ж, мне пора. Я сегодня собрала массу идей, и вы мне очень помогли. Простите, если напугала.

С этими словами она направилась к распахнутым дверям, ведущим на террасу.

Мужчина остался стоять посреди зала — растерянный, будто только что пережил стремительный полёт без кабины: мир на секунду сдвинулся, а потом медленно встал на место.

К нему подошёл собеседник с бокалом в руке и протянул его:

— Ты мне свой бокал дал подержать и вдруг сорвался куда-то... Что случилось?

— Кажется, меня только что назначили живой легендой для будущих пилотов, — пробормотал он, принимая бокал и всё ещё пытаясь осознать, что сейчас произошло.

Собеседник тихо хмыкнул, скользнул взглядом в сторону террасы, куда исчезла женщина, и чуть понизил голос:

— А, это Эвелина. Не «молодая девушка», как тебе могло показаться, — ей под сорок, просто выглядит так, будто возраст ей не указ. И да, она действительно инструктор-пилот. Управляет самолётами так, что некоторые мужчины на земле столько решимости не проявляют.

— Что, серьёзно? — он всё ещё не мог собрать мысли в кучу.

— Абсолютно. Характер у неё... скажем, как у командира в шторм: жёсткий, но без лишней драмы. Если сказала «нужно вдохновить учеников» — значит, так и будет. И если она тебя выбрала для своей «легенды», считай, ты уже вписан в её план.

— Значит, я теперь не просто гость на церемонии, а живой пример?

— Вот именно. Но будь осторожен: у Эвелины легенды имеют свойство сбываться. То есть если она пообещала ученикам «вот такой тип человека — это про смелость и ответственность», то тебе потом придётся соответствовать. Не официально, конечно, а... ну, внутренне.

После короткой паузы собеседник продолжил: — Так что постарайся сегодня не делать ничего такого, что потом будет стыдно показывать на слайде в лётной школе.

Они оба тихо рассмеялись, и напряжение, которое ещё секунду назад казалось почти осязаемым, растворилось в этой короткой, но тёплой шутке.

В какой-то момент разговоры стихли сами собой, будто зал наконец выдохнул. На небольшую сцену у камина поднялась женщина в длинном платье глубокого синего цвета — такое тёмное, что казалось, будто на ней не ткань, а сгустившийся вечер. Это была Мариэль Дюваль, оперная певица, получившая в этом году награду в номинации «За переосмысление классики».

Она не стала произносить благодарственную речь. Вместо этого она подняла руку, давая знак музыкантам, и зал замер окончательно.

Первый звук её голоса был почти неслышным — тихим, низким, будто она не пела, а возвращала воздуху его изначальную форму. Но с каждой следующей нотой звук становился плотнее, заполняя каждый угол Сомерсет-Хауса, проникая сквозь старинные стены и смешиваясь с дождём за окнами. Казалось, что сама архитектура здания подстраивается под её голос, становясь не фоном, а соучастником.

Джереми поймал себя на странном ощущении: будто эта музыка не просто звучит, а заново собирает реальность. В ней не было привычной демонстрации силы — только абсолютная, почти пугающая точность. Как у пилота, который чувствует малейшее изменение давления.

Когда последняя нота повисла в воздухе, тишина стала такой густой, что её можно было потрогать. И в этой тишине Эвелина, стоявшая у дверей террасы, едва заметно кивнула — будто услышала в этой песне то, что искала: доказательство, что смелость бывает не только громкой. Джереми на мгновение встретился с её взглядом и вдруг понял: в этом зале сегодня рождались не только награды, но и истории, которым предстояло жить дальше.

Лондон мерцал, будто подмигивал ей: «Ну что, придумала новую историю?» Она чуть улыбнулась, поправила воротник и уверенно шагнула вперёд — туда, где её следующая история уже ждала своего начала.

Глава 2. "В разнице с делами".

Частный аэродром прятался за плотной стеной леса, будто специально упрятанный от городской суеты. Это было не то место, куда стекаются туристы и где гудит поток рейсов, — здесь царила совсем другая тишина: гулкая, наполненная ожиданием, в которой каждый звук обретал вес. Вдали от центра Лондона, на окраине графства Суррей, аэродром располагался в живописной ложбине: с одной стороны его обнимали густые зелёные леса, с другой — тянулась ровная полоса взлётно-посадочной площадки, а по периметру стояли ангары из светлого металла, поблёскивающие на закатном солнце.

Такие частные аэродромы — не редкость вокруг Лондона: небольшие, ухоженные, рассчитанные на бизнес-авиацию и спецзадания. Здесь не бывает толп, зато всегда есть делови-

тая собранность: механики проверяют винты, пилоты сверяют карты, а в диспетчерской кто-то тихо, но настойчиво уточняет детали маршрута. И над всем этим — невероятные закаты, когда небо будто наливается тяжёлым золотом, а тени от самолётов вытягиваются по полосе, как длинные чёрные стрелы.

На этом аэродроме базировалась компания Эвелины — «SkyLine Vision». Название она придумала сама: «линия горизонта» как обещание перспективы, а «vision» — как видение, способность смотреть дальше обычного. В 2016 году, когда ей было чуть за тридцать, она основала фирму, и с тех пор это имя стало узнаваемым в узких профессиональных кругах.

К тому времени у Эвелины уже была лицензия пилота вертолёта — её она получила примерно в тридцать, хотя летать начала гораздо раньше. Страсть к небу передалась ей от отца: он был лётным инструктором и с детства брал её на аэродром, где учил не просто управлять машиной, а чувствовать её — по тому, как меняется тяга, как отзывается корпус на малейшее движение ручки, как ветер ложится на крылья. Для Эвелины это стало не просто профессией, а способом дышать. Отец говорил: «Машина не врёт — врёт только пилот, который не слушает». Эвелина запомнила это на всю жизнь — и в небе, и на земле.

«SkyLine Vision» специализировалась на аэросъёмке: помогала режиссёрам снимать с воздуха сцены для фильмов, телешоу и рекламных кампаний. Среди клиентов были и документалисты, снимавшие британскую природу, и рекламщики, которым нужен был пролёт над Темзой, и независимые кинопроекты, где дроны не годились — нужна была живая рука за штурвалом.

Но помимо съёмок, у неё была ещё одна страсть — обучение. На отдельной площадке за пределами основной полосы она проводила занятия для будущих пилотов. И здесь Эвелина была особенно требовательна: не из жестокости, а из убеждения, что небо не прощает небрежности. Она не терпела суеты, не любила лишних слов и ценила точность. Её фразы звучали как команды, но в них не было высокомерия — только ожидание, что ученик поймёт и сделает правильно.

Иногда она показывала пример буквально: надевала экипировку и выполняла прыжок с парашютом, чтобы будущие лётчики видели, что смелость — это не отсутствие страха, а умение действовать, когда он есть. Для неё это было частью воспитания характера: если ты собираешься управлять машиной, которая весит тонны и летит на скорости, ты должен уметь владеть собой.

Ей шла лётная форма — лаконичная, строгая. Когда она шла по полосе в экипировке, механики замолкали — не потому что боялись, а потому что в её походке читалось: этот человек знает, что делает, и спорить с этим бесполезно. Точёная фигура и скуластое лицо, в которых читались и воля, и усталость от ветра, и привычка смотреть вдаль.

Сегодня она стояла у края полосы, глядя, как солнце медленно сползает за верхушки деревьев. Рядом замерли несколько лёгких самолётов и пара вертолётов, готовых к завтрашним заданиям. В воздухе ещё держался запах керосина, смешанный с ароматом нагретой хвои. Эвелина проверяла чек-лист, делала пометки в планшете, а краем глаза следила за тем, как двое стажёров отрабатывают руление под присмотром старшего инструктора.

— Эвелина, а почему мы всегда начинаем с чек-листа? — вдруг спросил один из новичков, пока они ждали разрешения на руление. Он стоял, сжимая планшет, и в его голосе слышалось не упрямство, а искреннее недоумение. — Ну, то есть понятно, что надо. Но... разве это про смелость?

Она посмотрела на него, чуть прищурившись, как делала всегда, когда пыталась подобрать не шаблонный, а настоящий ответ.

— Знаешь, смелость — это не когда ты игнорируешь риски. Это когда ты их видишь и всё равно делаешь дело. Чек-лист — это как горизонт: он не ограничивает, он помогает держать курс.

Парень кивнул, но в глазах осталось что-то ещё — не до конца понятое. И вдруг Эвелина поняла: она сама годами повторяла эти слова как инструкцию, а сейчас впервые услышала их как философию.

«Держать курс». Не «лететь быстрее всех», не «показать высший пилотаж», а именно держать курс — даже когда ветер сбивает, даже когда горизонт дрожит от турбулентности.

И снова в голове всплыл тот мужчина из Сомерсет-Хауса. Может, его сила была в том же: не в громких решениях, а в умении держать курс своей жизни, не теряя ни ответственности, ни тепла дома.

— Пойдём, — сказала она стажёру чуть мягче, чем обычно. — Сейчас ты пройдёшь руление, а я буду рядом. И помни: горизонт — это не стена. Это направление.

Она не думала о вчерашней церемонии, но та сама тихо постучалась в сознание: вспомнился тот мужчина, которого она рассматривала у камина, его растерянность и потом эта усмешка. «Легенда», которую она придумала на ходу, вдруг показалась ей не такой уж случайной. В нём было что-то от человека, который может стать примером — не идеальным, но настоящим. И, возможно, именно такие люди нужны её ученикам: не глянцевого герои, а те, кто умеет собраться, когда всё идёт не по плану.

Эвелина закрыла планшет, подняла воротник куртки и пошла вдоль полосы, проверяя разметку. Завтра предстоял сложный вылет для съёмочной группы, а после обеда — очередной урок по аэродинамике для новичков. Дела не ждали, и в этой разнице между вчерашним блеском церемонии и сегодняшним будничным трудом была своя правда: настоящая работа всегда происходит там, где не сверкают софиты, а просто нужно сделать всё правильно — и вовремя.

В это же время на другом краю Лондона, в элегантном офисе «Heron Tower» — одном из самых узнаваемых зданий лондонского Сити, — велись переговоры с партнёрами по продвижению бизнеса. В просторном кабинете с панорамными окнами, откуда открывался вид на крыши и шпили города, пахло дорогим кофе и ощущалась та особая собранность, которая бывает там, где на кону серьёзные деньги. На столе лежали стопки документов: контракты, инвестиционные меморандумы, графики окупаемости. Иностранные партнёры настаивали на жёстких KPI, юристы вставляли оговорки, а финансисты без устали сводили цифры.

Да, это были серьёзные дела, но на бумаге. И всё же они требовали не меньшей смелости и решимости, чем любой рискованный манёвр в небе. Риски существовали даже здесь: в неверно понятой формулировке, в разном толковании сроков, в том, как поведут себя рынки через полгода. Катастрофа в бизнесе редко приходит с грохотом — чаще она тихо прячется в сноске мелким шрифтом.

Но что-то не давало покоя Джереми. Он кивал в нужных местах, подписывал там, где просили, отвечал на вопросы чётко и по делу. И всё равно его мысли то и дело срывались с этих бумаг и улетали туда, к огням Сомерсет-Хауса, к той странной женщине у камина. Кто она? Где она сейчас? Что значит эта её «легенда»?

Он замер, глядя в окно, будто никого вокруг не существовало. Город внизу жил своей жизнью: машины ползли по улицам, люди спешили по тротуарам, и всё это казалось бесконечно далёким от стопок бумаг на столе.

В кабинет зашёл Дик — тот самый партнёр, с которым Джереми был на церемонии. Он окинул взглядом комнату, задержался на лице Джереми и чуть нахмурился.

— Что такое, Джереми? Ты устал? Пора собираться домой. Ты идёшь? — спросил он, вопросительно приподняв бровь.

Джереми медленно перевёл на него взгляд, будто возвращаясь из другого мира.

— Да, пора отдыхать. Может, в бар зайдём, посидим? — неожиданно предложил он.

Дик замер на секунду, а потом широко улыбнулся.

— Ого-о-о... Ты никогда этого не любил. Я даже отвык от этого. Вот это перемены.

— Хочется переключиться и немного выпить. Да и подписали мы сегодня достаточно хороших предложений, — спокойно ответил Джереми, но в голосе слышалось не торжество, а скорее облегчение.

— С удовольствием. И знаешь... — Джереми чуть помедлил. — Ты говорил, что хорошо знаешь Эвелину. Ту женщину с церемонии.

Дик замер на секунду, а потом широко улыбнулся.

— Ты никогда не спрашивал ни о ком после светских раутов.

— Просто интересно. Кто она, что за «легенда»...

— Ну всё, всё, пойдём. Поскорее, — рассмеялся Дик, махнув рукой. — А то ты сейчас прямо тут начнёшь допрос устраивать.

Они вышли из кабинета, и стеклянные двери мягко закрылись за ними. В коридоре уже гасили свет — офис постепенно затихал, уступая место вечернему городу.

Часть 3. «Чуть понятней на один шаг»

Бары в Лондоне были на любой вкус — от тихих пабов с дубовыми балками до ультрасовременных лаунжей, где коктейли подавали в пробирках. Но один из них выделялся особенно: он был оформлен в стиле индустриального лофта, и этот интерьер странным образом притягивал мужчин, позволяя им чувствовать себя в своей стихии.

Здесь металл соседствовал с деревом, открытые коммуникации на потолке напоминали каркас самолёта, а кое-где на стенах и вовсе висели настоящие детали — лопасть винта, фрагмент приборной панели, старый штурвал. Для Джереми всё это стало не просто декором, а почти сценографией: он теперь смотрел на мир сквозь призму той самой «легенды пилота», которую на ходу придумала Эвелина, и в этой обстановке невольно представлял себя главным действующим лицом собственной истории.

— Ну что ты так крутишься по сторонам, будто первый раз видишь этот бар? — Дик поймал его взгляд и усмехнулся, усаживаясь на высокий стул у стойки. — Всё рассматриваешь эти железки?

— Да нет... Просто... — Джереми на секунду запнулся, потом махнул рукой и сел напротив. — Кажется, теперь везде вижу намёки на полёты.

— Ага, примеряешь этот костюмчик «пилота-легенды»? — рассмеялся Дик, делая знак бармену.

— Да ну, ты выдумываешь всякое, — но в голосе Джереми не было раздражения, скорее лёгкая мечтательность, словно он и сам не прочь был поверить в эту новую роль.

В зале было умеренно шумно: не оглушающая какофония, а тот самый городской гул, в котором угадывались отдельные звуки — звон стекла, чей-то смех, низкий голос у дальней стойки. И среди всего этого Джереми чудился едва уловимый металлический отзвук, будто где-то рядом тихо работал какой-то механизм. Ему казалось, что этот ритм — ровный, собранный, чуть грубоватый — совпадает с тем, как должно звучать небо перед взлётом.

Он невольно выпрямился, будто привыкая к новой осанке, и поймал себя на мысли, что впервые за долгое время не думает о цифрах, контрактах и оговорках в сносках. Вместо этого в голове крутились совсем другие образы: полоса аэродрома, ветер, который нужно учитывать, и женщина, которая смотрит на тебя так, словно уже знает, на что ты способен.

— Ладно, хватит крутиться, — снова хмыкнул Дик, когда перед ними поставили напитки. — Рассказывай, что с тобой творится. Ты сегодня весь вечер будто не здесь. То в окно смотришь, будто ждёшь, что самолёт прямо над Сити пролетит, то на эти железяки косишься.

Джереми сделал глоток, почувствовал, как тепло разливается внутри, и наконец улыбнулся — уже без напряжения.

— Знаешь, я всё думаю про Эвелину. Про то, как она на меня смотрела... не как на очередного гостя в смокинге, а как будто видела что-то ещё. И вот теперь мне кажется, что я должен этому соответствовать. Глупо, да?

Дик чуть наклонил голову, на секунду стал серьёзным — и тут же снова расслабился.

— Не глупо. Просто непривычно. Ты столько лет строил репутацию на цифрах и прогнозах, а тут вдруг кто-то смотрит на тебя не как на директора, а как на... ну, скажем, на героя истории. И тебе теперь хочется понять, сможешь ли ты им быть.

— Именно, — тихо произнёс Джереми, глядя в янтарный напиток. — И я даже не знаю, хочу ли я им быть. Но почему-то не могу перестать об этом думать.

Дик наклонился чуть ближе, понизил голос:

— Тогда слушай. Я ведь её знаю не понаслышке. Эвелина не разбрасывается такими словами. Если она сказала, что ты — легенда для её учеников, значит, увидела в тебе что-то, что сама считает важным. А она вообще редко кого замечает.

Джереми поднял глаза, в них мелькнуло любопытство, смешанное с лёгкой тревогой.

— Рассказывай. Всё. С самого начала.

Дик ненадолго замолчал, собираясь с мыслями, а потом заговорил тише, почти не глядя на Джереми — словно не хотел встречаться взглядом, пока ворошит чужие воспоминания.

— Я слышал об одной истории... Лет пять назад её отец полетел в другой город — уже не помню точно, зачем. На штурвале был её парень. Что-то случилось во время полёта. Неудачно приземлились... Парень погиб, а отец попал в больницу. Но вскоре тоже не выжил. Её мать долго не могла прийти в себя, а сейчас практически не выходит из дома.

Дик остановился, сам будто споткнувшись о собственные слова, и на мгновение уставился в свой бокал, словно там можно было найти более лёгкие формулировки.

— Вот так всё и сложилось, — добавил он чуть погодя. — Отсюда и эта её требовательность. И жёсткость. Она будто боится, что любая небрежность может стоить кому-то жизни. А ещё... знаешь, что она однажды сделала? На съёмках документалки над шотландскими озёрами погода пошла вразнос, ветер рвал кадр, продюсер орал, что бюджет тает, а Эвелина просто сказала: «Если хотите картинку, дайте мне десять минут и не дышите». И ушла к вертолёту. Через пять минут она уже висела над скалами в таком боковом скольжении, что у всех в штабе сердце в пятки ушло. А потом выложила тот самый кадр: озеро, туман, рассвет — будто сама природа ей позировала. Вот это и есть её «легенда»: не про идеальность, а про то, что ты берёшь ответственность, когда все остальные прячутся за бумажками.

Джереми замер, и вся его недавняя мечтательность будто растворилась в этом внезапном, тяжёлом знании. На лице застыло выражение лёгкого ужаса — не от страха, а от того, как резко и беспощадно реальность расставила акценты.

— Вот так история... — проговорил он тихо, почти шёпотом. — Это сильно ломает человека. И меняет отношение ко всему. Теперь понятно, откуда у неё эта сила духа. Не от бравады, а от боли.

Джереми слушал, и в голове у него вдруг щёлкнуло: «Значит, когда она смотрела на меня у камина — она не разглядывала, она оценивала, выдержит ли человек».

Он допил свой напиток, не чувствуя вкуса, и на секунду прикрыл глаза, будто пытаясь совместить в голове два образа: ту Эвелину, что стояла у камина и дерзко предлагала его сфотографировать, и эту — выстроенную из потерь, собранную заново из железной дисциплины и ответственности.

А вокруг продолжал жить своей жизнью лофт-бар: металл и стекло, приглушённый свет, разговоры, в которых каждый звук казался частью большого механизма. Только теперь Джереми слышал в этом ритме не предвкушение полёта, а тяжесть ответственности, которую кто-то берёт на себя каждый день.

И вдруг пришло не восторженное «хочу быть пилотом», а спокойное, почти холодное понимание: легенда — это не про высоту и не про красивые кадры. Это про то, что ты не прячешься за оговорками в сносках, когда от твоего решения зависит чья-то судьба.

Джереми медленно выдохнул и посмотрел на Дика — не с восторгом, а с той собранностью, с которой человек принимает новую меру вещей.

— Знаешь, — тихо сказал он, — я всё думал, что она искала в тот вечер какой-то особенный типаж. А теперь понимаю: она искала того, кто не станет искать оправданий. И если она увидела это во мне... значит, мне пора перестать оправдываться даже перед самим собой.

Дик чуть наклонил голову, будто взвешивая эти слова, и кивнул — без лишних улыбок, серьёзно.

— Вот это и есть самое трудное. Не рискнуть ради кадра. А каждый день держать планку, когда никто не снимает и не аплодирует.

Джереми снова посмотрел на лопасть винта на стене — уже не как на романтический символ, а как на деталь, которая выдерживает огромные нагрузки. И подумал, что, возможно, его «кабина» — это вовсе не самолёт. Это переговорная, где завтра ему предстоит принять решение, от которого зависит судьба проекта и людей, поверивших в него. И в этот раз он не будет искать компромисс там, где нужна твёрдость.

В груди было не лёгкое предвкушение, а тяжёлый, но честный груз. И впервые за долгое время Джереми почувствовал, что этот груз ему по плечу.

Он молча потянулся к внутреннему карману, достал потрёпанный блокнот — тот самый, в который годами заносил цифры, дедлайны и короткие напоминания себе. На чистой странице вывел ровно, без спешки: «Не прятаться за сносками. Держать ответственность». Чуть ниже приписал: «Завтра: не искать компромисс в пункте 4.2 — там нужна твёрдость».

Закрыв блокнот, он провёл по обложке большим пальцем — будто закрепляя сказанное.

Дик проследил за этим движением и чуть улыбнулся — не широко, а так, как улыбаются, когда видят, что человек наконец встал на твёрдую почву.

— Знаешь, — тихо сказал он, — иногда самое смелое, что можно сделать, — это просто не отводить взгляд, когда все вокруг ищут, куда бы его деть.

Джереми кивнул, сунул блокнот обратно в карман и впервые за вечер посмотрел на Дика спокойно, без внутреннего напряжения.

— Спасибо, что рассказал про Эвелину, — произнёс он. — Теперь я понимаю, что она имела в виду. И что мне с этим делать.

— Не за что, — спокойно ответил Дик. — Главное — не забудь, что легенду не собирают из красивых слов. Её собирают из решений. Даже из тех, которые никто не видит.

За стойкой бармен смешал очередной коктейль, звякнули бокалы, и привычный городской гул снова обступил их, как тёплый, немного шумный плащ. Но для Джереми этот шум теперь звучал иначе: не как фон, в котором можно спрятаться, а как ритм, под который нужно действовать.

Часть 4. «Смелость смотреть в одну сторону»

Утро казалось совсем не таким, как прежде: мир будто сменил настройки — стал чуть резче, контрастнее, будто кто-то выкрутил яркость и чёткость на максимум. Привычные предметы — стеклянная перегородка кабинета, стопка отчётов, рамка с фотографией на столе — выглядели чуть острее, даже агрессивнее, словно бросали вызов.

Джереми чувствовал себя собраннее, чем обычно, — словно после долгого сна наконец проснулся. Голоса сотрудников, доносившиеся из коридора, звучали не как фоновый шум, а как отдельные сигналы, требующие внимания. Он отвечал резко, но точно, раздавал распоряжения без лишних слов, и в этой лаконичности ощущалась новая уверенность.

Всё пришло к кульминации во время одного звонка — по той самой договорённости, которая ещё вчера казалась безупречной. Но сегодня в интонации партнёра Джереми уловил едва заметную фальшь, в формулировках — скользкие лазейки. То, что вчера звучало как надёжное обещание, теперь отдавало подвохом. И вместо привычного «да», которое уже почти сорвалось с языка, с его губ само собой вырвалось твёрдое «нет».

— Простите, но мы не сможем продолжить на этих условиях, — спокойно, но непреклонно произнёс он, слушая, как на том конце провода собеседник пытается подобрать слова для мягкого давления.

Разговор пошёл совсем не в ту сторону, куда его вели вчера. Джереми не спорил, не оправдывался — он просто обозначил границу, и от этой ясности внутри стало легче.

К обеду неожиданно позвонил отец. Ещё пять лет назад он передал Джереми все дела, а сам с головой ушёл в новые увлечения и старался не вмешиваться в управление компанией.

— Ничего себе поворот! — с хриловатым смешком начал отец прямо с первых слов. — Не ожидал от тебя. Ты же всё делал наперекор мне, а тут вдруг дал отпор этому мутному партнёру. Неужели услышал мой совет?

Джереми на мгновение замер. Он и правда почти забыл про тот разговор — про осторожные слова отца о том, что в этом партнёре ему что-то не нравится. И вот теперь, задним числом, он вдруг понял: это не случайность, не внезапная интуиция — это отголосок того самого совета, который он, сам того не замечая, принял.

Он помолчал секунду, а потом тихо, но твёрдо ответил:

— Да, пап, я услышал тебя. И принял верное решение. Ты был прав.

В трубке повисла короткая пауза — и в ней было больше одобрения, чем в любых громких похвалах.

— Молодец, сынок, — уже мягче, почти по-домашнему произнёс отец. — Что-то тебя давно не было у нас. Приезжай в воскресенье — мама будет рада. Приготовит твой любимый рыбный пирог.

Тёплая, простая фраза вдруг пробила броню всей утренней собранности, и Джереми почувствовал, как напряжение, копившееся неделями, чуть отступило.

— С удовольствием, пап. Я непременно буду. Люблю вас.

— Вот и договорились, — тихо сказал отец и положил трубку.

Джереми ещё несколько секунд посидел, держа телефон в руке, а потом медленно опустил его на стол. В груди разливалось странное чувство: не эйфория, не гордость, а спокойная уверенность в том, что он поступил правильно. И впервые за долгое время он не воспринимал отцовское одобрение как давление или оценку, а как простое, человеческое признание: «Ты справляешься».

Он встал, подошёл к окну и посмотрел вниз, на оживлённую улицу, где машины текли бесконечным потоком, а люди спешили по своим делам. И вдруг ему показалось, что все эти маршруты, все эти пути — они не хаотичны, а складываются в какой-то общий рисунок. И если смотреть на него не со стороны, а изнутри, из кабины, то можно не просто следовать за стрелками, а самому выбирать направление.

Только теперь, когда уличный гул будто стал фоном, Джереми вдруг отчётливо заметил, как в самом офисе всё стихло. Ни гула кондиционера, ни привычного стука клавиш, ни приглушённых разговоров за перегородками. Эта тишина казалась неестественной, почти звенящей. Он прислушался, чуть вытянул шею и, повернувшись ухом к двери, будто пытался уловить хоть какой-то звук, который вернул бы ему ощущение обычного рабочего дня.

В этот момент в дверь тихонько постучали — так неожиданно, что он вздрогнул и резко выпрямился.

— Да что со мной такое... Какой-то день не похожий на все остальные, — тихо пробормотал он себе под нос.

— Можно? — в проёме показалась помощница. Она стояла чуть ссутулившись, почти на цыпочках, и держала в руках плотный конверт. Вид у неё был растерянный, будто она сама не понимала, почему ведёт себя так осторожно.

— Да, конечно, заходите, — кивнул Джереми.

Она проскользнула в кабинет и протянула конверт:

— Это приглашение принесли и сказали передать вам лично в руки. Я даже удивилась — у нас так не принято.

— Дайте скорее, — Джереми взял конверт быстрым, почти нетерпеливым движением, словно ждал его всю жизнь.

— Спасибо. И... пожалуйста, не старайтесь ходить так тихо. Мне на секунду показалось, что я в этом здании совсем один. Будьте естественнее, — неожиданно для самого себя добавил он.

Помощница чуть покосилась на него, потом расправила плечи, будто сбросив невидимую тяжесть, и шагнула увереннее. Она уже взялась за ручку двери, но вдруг обернулась, и в её улыбке проскользнуло что-то почти озорное.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда просто буду шуршать бумагами... А если я вам понадобится — звоните в колокола. — Она чуть улыбнулась и, будто вспомнив о чём-то, добавила: — Хотя у нас и нет ни колоколов, ни колокольчиков.

И правда — уже через минуту из приёмной донёсся привычный шорох листов, чей-то негромкий вопрос, лёгкий стук чашки о блюдо. И эта обычная суeta вдруг показалась Джереми не помехой, а опорой — знаком, что мир всё ещё идёт своим чередом, просто теперь он замечает в нём то, чего раньше не видел.

Он опустил взгляд на конверт. Плотная матовая бумага, никаких надписей снаружи — только его имя, выведенное чётким каллиграфическим почерком. Он провёл пальцем по линии сгиба, чувствуя, как внутри поднимается странное волнение: будто этот конверт — не просто приглашение, а пропуск в какую-то другую реальность, где смелость измеряется не громкими словами, а тихими, но твёрдыми решениями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.